

Л. А. Пергаменщик,
кандидат психологических наук

Психотерапия Л. Н. Толстого

Зову я смерть. Мне видеть невтерпещ.

В. Шекспир

*Стремление понять людей, жизнь
и мир мешает нам узнать все это.*

Л. Шестов

Потребность в практической психологии, в специально организуемой деятельности, направленной на оказание психологической помощи, появилась давно, но осознаться у нас стала только в последние годы. Тому несколько причин: это и переход общества на путь демократического развития (в тоталитарном государстве практической психологии фактически места нет — есть только особая психиатрия), и связанный с этим рост неопределенности человека не совсем разумного. Среди них особое место занимает черныбыльская катастрофа, которая затронула практически все население Республики Беларусь.

Таким образом, сформировался запрос на психологов, на немедическую психологическую помощь. Впервые в истории государства появилась программа “Социально-психологическая реабилитация детей и подростков”. Запрос, программа, некоторое финансовое обеспечение и почти полное отсутствие специалистов, способных осуществлять социально-психологическую реабилитацию. Такое положение сложилось в 1991 г. к моменту начала осуществления программы. Правда, психологи были — некоторые из них работали в вузах, читали лекции, другие проводили исследования, готовили отчеты, брошюры, методические рекомендации в немногочисленных научно-исследовательских подразделениях. Кое-кто слышал, а несколько человек и знали, что существует другая психология, ориентированная не только на выпуск научной и научно-популярной литературы или чтение лекций, а направленная на конкретного человека, на его проблемы. Эта психология имеет несколько таинственные имена: гештальттерапия, психосинтез, психодрама, нейролингвистическое программирование, телесно ориентированная психотерапия, логотерапия, трансактный анализ и т.д. Имеет эта психология и свою предтечу: психоанализ З.Фрейда.

Началось знакомство с психологией практической: часто без знания теории, без общего понимания проблемы. Психологи приступили к освоению техник и технологий с помощью специальной литературы.

Минск — столица нового государства, и иноземные психологи-психотерапевты редко посещали наш город. Однако Москва, Санкт-Петербург за последние 8—10 лет выдержали паломничество большого числа психологов Запада, среди которых были как классики психотерапии К.Роджерс, В.Сатир, Р.Рейнхольд и др., так и психологи более низкого уровня. Жители Москвы и Санкт-Петербурга, пережив, переработав и как-то усвоив западный опыт, разошлись по направлениям, организовали сообщества, центры, институты и стали предлагать свои услуги для обучения всех желающих. В течение 3—4 дней можно

получить красивый сертификат участия в течение 10 — квалификацию тренера групповой работы. Психологи Беларуси не преминули воспользоваться этой возможностью и, наверное, забыли или вытеснили из своего сознания, что той психологией, которую они усвоили, стоит марксистско-ленинская философия с ее тщательно разработанными законами, категориями, понятийным аппаратом. Можно, конечно, овладеть специальными упражнениями, а что делать мыслями?

Что делать? Известный вопрос в нашей стране. Читать, образовываться, думать. Читать Фрейдера, Фрома, Франкла, Ницше... И, конечно же, русскую художественную литературу, где есть начала всей психологии, в том числе и пом...

Эти соображения и подтолкнули обратиться к классической литературе. Литературовед В.Лакшин "выбрал" для меня Л.Н.Толстого.

Итак, роман-эпопея Л.Н.Толстого "Война и мир". Пьер Безухов в Москве захваченной Наполеоном. Скитаясь по городу, он случайно попадает в плен. Его, как ему кажется, приговаривают к смертной казни. Раннее утро, Пьер вместе с другими осужденными ведут к месту казни.

А. Травмирующее событие

И вот приговоренные на месте казни. "Несколько барабанов вдруг ударили с двух сторон, и Пьер почувствовал, что с этим звуком как будто оторвалась часть его души. Он потерял способность думать и соображать." Двенадцать человек стрелков с ружьями "мерным, твердым шагом вышли из-за рядов и остановились в восьми шагах от столба". Приговоренных к смерти, по двое, подводили к столбу. Раздавался "треск и грохот", стоящие у столба мужики падали. "Повели других двух" и "опять как будто ужасный взрыв". Раздались выстрелы восьми ружей. Фабричный и "почему-то вдруг опустился на веревках... показалась кровь в двух местах..." Пьер побежал к расстрелянному. Один из солдат сердито, злобно и болезненно крикнул на Пьера, чтобы он вернулся. Через некоторое время караульный унтер-офицер объявил Пьеру, что он прощен.

Б. Ощущения Пьера (симптоматика)

Вместе со звуком барабана Пьеру показалось, что "будто оторвалась часть его души". Он потерял способность думать и соображать, мог только видеть и слышать. Но видеть, что произошло, у Пьера не было сил. "Пьер отвернулся, чтобы не видеть того, что будет." Желание не видеть повторилось дважды: когда расстреливали первых две пары и когда повели пятого, стоявшего рядом с ним, — одного. Ужас его возрастал, он не понял, что спасен, не ощущал ни радости, ни успокоения. У него уже не было сил отвернуться и закрыть глаза, он уже не слышал ни малейших звуков от выстрелов. Он видел только, как почему-то вдруг опустился на веревках фабричный Пьер не понимал даже слов, с которыми обратился к нему солдат.

Итак, событие, ставшее причиной острого стресса П.Безухова, вызвало следующие изменения в восприятии действительности в такой последовательности:

- оторвалась часть души,
 - потерял способность думать и соображать,
 - мог еще видеть и слышать,
 - чтобы не видеть, Пьер отвернулся,
 - ужас его возрастал,
 - не было сил отвернуться и закрыть глаза,
 - он уже не слышал,
 - он видел, но не понимал того, что видел,
 - не понимал слов, с которыми к нему обращались.
- От ужаса, которым сопровождалось "событие", произошло сужение сознания

с последовательным "отказом" способности думать, слышать, понимать происходящее*.

Сеанс психотерапии

После страшного события Пьера Безухова переводят в барак для военнопленных. "Молча и неподвижно сидя у стены на соломе, Пьер то открывал, то закрывал глаза. Но только что он закрывал глаза, он видел пред собой то же страшное, в особенности: страшное своей простотой, лицо фабричного и еще более страшные своим беспокойством лица невольных убиен. И он опять открывал глаза и бессмысленно смотрел в темноте вокруг себя." Он мог осознавать только то, что в нем уничтожилась вера и в благоустройство мира, и в человеческую, и в свою душу, и в бога. Мир раскололся, "завалился", в нем самом не было сил для спасения.

Сессия 1. Отреагирование

Установлено, что наиболее сложно для человека, пережившего травму, это помнить возможность выговориться, рассказать кому-нибудь о том, что с ним случилось, отреагировать. Отреагирование, как справедливо отмечают психотерапевты большинства направлений, — первый шаг к выздоровлению.

Пьеру Безухову повезло — у него появилась возможность выговориться, он встретил Платона Каратаева. Приведем с некоторым сокращением, диалог Пьера Безухова (П.Б.) с Платоном Каратаевым (П.К.).

Шаг 1. "Обозначение беды"

П.К. А много вы нужды увидал, барин? А? (голос Каратаева при этом ласковый, простой, певучий).

П.Б. Хотел ответить, "но у него задрожала челюсть, и он почувствовал слезы". (Появление слез на этапе отреагирования — верный симптом того, что процесс пошел, что камень с души медленно начинает сдвигаться.)

Шаг 2. Снятие уникальности

П.К. Продолжал говорить тем же приятным голосом: "Э, соколник, не тужи! час терпеть, а век жить! (В данной ситуации иногда важно не то, что говорит психотерапевт, а как он это говорит...) Тоже люди и худые и добрые есть".

Каратаев как бы хочет сказать Пьеру, что его беда страшна, но она не уникальна, она на время, а не навсегда, она на час, а жить ему век. Сужение сознания во время травматического события приводит человека к мысли, что с ним произошло нечто уникальное, вокруг все "завалилось". людей нет, есть только нелюди. Каратаев утверждает, что даже среди них есть добрые люди.

Шаг 3. "Попытка прикосновения"

П.К. Вот, покушайте, барин, — сказал П.К., подавая Пьеру несколько печеных картошек.

П.Б. Нет, мне все ничего, — сказал Пьер, — но за что они расстреляли этих несчастных!.. Последние лет двадцать.

П.К. Тц, тц... — сказал маленький человек. — Греха-то, греха-то!.. (Пьер Безухов)

* Неспособность узнавать предметы при том, что в мозг поступает полноценная сенсорная информация от органов чувств, называется агнозией. Для узнавания необходимо переработать чувственную информацию. Один из этапов такой переработки, интерпретации — вызов хранящихся в памяти сведений о подобных объектах. Агнозия — результат повреждения участков мозга, ответственных за интерпретацию новой и вызов ранее полученной информации, вследствие инсульта или травмы головы. В данном случае блокировка когнитивной составляющей под влиянием сильных, нечеловеческих эмоций привела к ступору. Последующая информация через слуховые и зрительные анализаторы не доходит до сознания. Пьер не может обратиться и к сознанию, так как в прошлом опыте нет похожей информации, и он не может актуализировать то, чего там нет и не было.

улов нарушил ход терапевтического сеанса, еще не закончился процесс эмоционального реагирования, еще не была пройдена фаза фактов, а у рефлексивного Безухова пошли мысли. Рано, считает Каратаев, и поэтому мягко, сеанс останавливает Безухова и продолжает сеанс.)

Шаг 4. "Завершение отреагирования"

П.К. Что ж это, барин, вы так в Москве-то остались?

П.Б. Я не думал, что они так скоро придут. Я нечаянно остался.

П.К. Да как же они взяли тебя, соколик, из дома твоего?

П.Б. Нет, я пошел на пожар, и тут они схватили меня, судили за поджигателя. Таким образом, Платон Каратаев шаг за шагом, ласково задавая вопросы, заставляет Пьера вспомнить все то, что предшествовало этому страшному событию. Каратаев старается перебросить мостик между сегодняшним, раздаленным Безуховым и Безуховым до события. Так заканчивается сеанс отреагирования и плавно переходит в следующий этап.

Сессия 2. Поиск ресурсов в прошлом (регрессия)

Поиск ресурсов в прошлом, или метод "регрессии", заключается в просмотре предыдущей жизни с целью поиска там надежных, устойчивых "якорей", которые можно зацепиться и тем самым сделать осмысленной жизнь теперешнюю. Найденные в предыдущей жизни позитивные события помогают потешившему перенести чувства об этом событии в жизнь настоящую и преодолеть влияние травмирующего события.

1. П.К. Как же у вас, барин, и вотчины есть? И дом есть? Стало быть, полна чаша!

2. П.К. И хозяйка есть? А старик родители живы?

У Каратаева морщились губы сдержанною улыбкой ласки в то время, как он спрашивал это. Он был огорчен, что у Пьера не было родителей, в особенности матери. "Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки!"

3. П.К. Ну, а детки есть?

П.Б. Дал отрицательный ответ.

Итак, стремление найти в прошлой жизни опору, которая помогла бы преодолеть острое стрессовое расстройство, не увенчалось успехом. У Пьера Безухова не было таких ресурсов. Родители, дети, жена — вот что может остановить человека, помочь ему выстоять, выдержать удар. Родителей и детей у Пьера не было, а про жену, прекрасную Элен, он в ту минуту просто забыл.

Сессия 3. Реконструкция личности

П.К. (о детях) Что ж, люди молодые, еще, даст бог, будут. Только бы в совете жить...

П.Б. Да теперь все равно.

П.К. Эх, милый человек ты. От сумы да от тюрьмы никогда не отказывайся.

И Платон Каратаев рассказывает Пьеру Безухову историю его собственной жизни. Само повествование, события, которые нередко носили трагический характер, — все это изложено ровным, мягким голосом. Тяжелая жизнь Платона Каратаева не ожесточила его, к миру, к судьбе он не стал относиться хуже. А ведь его и секли и отдали в солдаты, у него умерла дочь...

Заканчивает свой рассказ Каратаев словами: "Рок головы ищет. А мы все судим: то не хорошо, то не ладно. Наше счастье, дружок, как вода в бредне: тянешь — надулось, а вытащишь — ничего нету. Так-то".

Эта сессия и особенно рассказ Каратаева, выдержанный в стиле устной народной традиции, примыкают к позитивной психотерапии, которую активно пропагандирует Н.Пезешкян. Только здесь вместо восточных притчей Толстой предложил историю жизни простого человека, жизнь трудную, с лишениями и физическими страданиями. Эту историю рассказывает П.Каратаев неторопливо, с юмором, перемежая свою речь поговорками и пословицами. Этим рассказом и завершается психотерапевтический сеанс Платона Каратаева.

После разговора с Каратаевым Пьер Безухов долго не спал и с открытыми глазами лежал в темноте на своем месте, прислушиваясь к мерному храпению Платона, лежавшего подле него, и чувствовал, что прежде разрушенный мир теперь с новой красотой, на каких-то новых и незыблемых основах, воздвигался в его душе. Началось выздоровление.

Платон Каратаев — психотерапевт (?)

Что главное в психотерапевтическом процессе? Вопрос, который задают себе все специалисты, хоть когда-нибудь соприкоснувшись с психологической помощью. Можно ли считать Платона Каратаева психотерапевтом? Эти два вопроса связаны между собой. Попробуем если и не ответить на них полностью, то хотя бы заметить проблему. П.Каратаев не имеет образования, не знаком ни с одной из психотерапевтических техник оказания психологической помощи. Какое же он имеет отношение к психотерапии? Французский антрополог К.Леви-Стросс назвал бы действия Каратаева сродни шаманству. "При шаманском лечении шаман в своих словах и действиях подменяет собой больного, который молчит" [14, 201]. И так. Платон Каратаев все же больше шаман, чем психотерапевт. Но в действиях Каратаева есть многое и от психотерапевтической работы.

Прежде чем рассматривать дальше особенности работы П.Каратаева, остановимся на психотерапии как деятельности. Так что же главное в профессии психотерапевта? Профессиональная подготовка, овладение в совершенстве одной из психотерапевтических техник? Другими словами, сумма знаний и умений или нечто третье — особое состояние души.

В США проводились специальные исследования по изучению эффективности психотерапии. В исследовании, опубликованном в 1975 г., Мармор делает вывод о том, что результаты психотерапии зависят не столько от метода, сколько от опыта и личности врача [11, 152].

Можно задать еще один вопрос. Становятся ли наши психологи-практики носителями особой психотерапевтической культуры, без которой невозможно рождение специалиста? "К психологу-практику теперь приходят клиенты, которым надо срочно помогать, а думать у него нет времени. Главное — метод, главное — технология, скорее узнать, "как это делается", не вникая в суть той особой реальности, которая порождается тем или иным методом" [10, 10].

Вернемся к П.Каратаеву. Приятная улыбка, большие карие нежные глаза, певучий и приятный голос, речь непосредственная и спорная — так характеризует его писатель.

Главный инструмент психотерапевтической работы — слово. Как пользуется этим инструментом Платон Каратаев? "Он, видимо, никогда не думал, — убеждает нас Л.Н.Толстой, — о том, что он сказал и что скажет: и от этого в быстроте и верности его интонации была особенная неотразимая убедительность." Он любил говорить и говорил хорошо, украшая свою речь ласкательными словами и пословицами, которые, как казалось Пьеру, он сам выдумывал.

Язык Платона Каратаева — это язык практической психологии, который мало чем отличается от обывденного языка [12, 7]. Вторая особенность речи Платона Каратаева — ее метафоричность. Язык метафор — естественный путь выражения субъективных явлений. Существенным источником метафор являются субъективные реакции самого психолога, возникающие при общении с данным человеком [10, 28].

Он ничего не знал наизусть, а когда говорил свои речи, то, начиная их, казалось, не знал, чем кончит. Метафоричность речи Каратаева выражается в использовании поговорок и пословиц, таких, как "Жена для совета, теща для привета, а нет милей родной матушки"; "Не тужи, дружок: час терпеть, а век жить!"; "Не нашим умом, а большим судом".

Этапы выздоровления Пьера Безухова

1. Четыре недели спустя Пьер по-прежнему в плену. Он уже не тот. выра-

жение глаз его стало твердым, спокойным. Изменение коснулось прежде всего его взгляда. "Прежняя его распушенность, выражавшаяся и во взгляде, замкнулась теперь энергичической, готовой на деятельность и отпор — полубранной улыбкой."

Он получил то спокойствие и довольство собой, к которым тщетно стремился прежде. Поиски согласия с самим собой шли у Пьера Безухова всю его сознательную жизнь: "он искал этого в филантропии, в масонстве, в рассеянии светской жизни, в вине, в героическом подвиге самопожертвования, в романтичной любви к Наташе..."

И он получил это успокоение только через ужас смерти, через лишения через то, что он понял в Каратаеве. Высшим счастьем человека Пьер Безухов считал теперь отсутствие страданий, удовлетворение естественных человеческих потребностей и вследствие этого свободу выбора занятия, т.е. образа жизни.

В чем же проявился первый шаг к выздоровлению у Пьера Безухова? Прежде всего в согласии с самим собой и изменении структуры ценностных ориентаций личности. Истинное физическое и душевное здоровье состоит не в том, чтобы соответствовать чьим-то нормам и стандартам, а в том, чтобы согласии с самим собой и реальными фактами своей жизни, — писал более чем сто лет спустя американский психолог Б.Колдзин. Истинное исцеление приходит тогда, когда мы отдаем должное всему, что узнали на своем жизненном пути, и пользуемся этими знаниями [3].

II. Месяц спустя. Выздоровление, освобождение и преодоление психической травмы происходили у Пьера Безухова не сразу. Толчком к выздоровлению была встреча с Платоном Каратаевым. Но рецидив, вспышка того психического состояния, которое напомнило ему о травме, наблюдались и месяц спустя. "...В ту минуту, как Пьер говорил это, с двух сторон вдруг послышался треск барабанов..." "Вот оно! Опять оно!" — сказал себе Пьер, и невольный холод пробежал по его спине. "...В возбуждающем и заглушающем треске барабанов Пьер узнал ту таинственную, безучастную силу, которая заставляла людей против своей воли умерщвлять себе подобных, ту силу, действие которой он видел во время казни."

Итак, по спине пробежал холод. Ему было страшно. Но, что удивительно, Пьер фиксировал свои чувства: "...по мере усилий, которые делала роковая сила, чтобы раздавить его, в душе его вырастала и крепла независимая от нее сила жизни".

Его душа, готовясь к трудной борьбе за выздоровление, отказывалась принимать впечатления, которые могли ослабить ее. Пьер был еще в плену, впереди неизвестность, а освобождение уже началось. Потому что он понял, глядя на звезды, в небо, что и небо и звезды принадлежат ему, они часть его души. "И все это мое, и все это во мне, и все это я!" — думал Пьер. — И все это они поймали и посадили в балаган, загороженный досками!" Он улыбнулся и пошел укладываться спать к своим новым товарищам. В плену, в тяжелых невыносимых условиях, Пьер узнал не умом, а всем существом своим, жизнью, что человек ловит к себе орнамент счастья, что счастье в нем самом.

Всю свою жизнь Пьер занимался поисками цели жизни. Он с удивлением понял, что всегда "смотрел туда куда-то, поверх голов окружающих людей, а надо было... смотреть перед собой". "Он испытывал чувство человека, нашедшего искомое у себя под ногами, тогда как он напрягал зрение, глядя далеко от себя."

Приведем признаки выздоровления Пьера Безухова: спокойный и твердый взгляд, спокойствие и довольство собой, состояние согласия с самим собой, осознание того, что счастье в нем самом, цель жизни находится в нем, новое во взаимоотношениях с людьми.

Раскроем это новое во взаимоотношениях подробнее. У Пьера появились не присущие ему формы поведения как со старыми знакомыми, так и с новыми.

"Прежде он много говорил, горячился, когда говорил, и мало слушал, теперь умел слушать так, что люди охотно высказывали ему свои самые задушевные тайны."

Теперь он искал и находил в людях то лучшее, что в них было, и ему доставляло удовольствие видеть, любоваться этими сторонами личности. Он признавал возможность каждого человека думать, чувствовать и смотреть на вещи по-своему.

III. Шесть месяцев спустя. Выздоровление — это не только изменение установок и ценностных ориентаций личности, это и изменение в поведении, в отношениях с людьми.

В феврале 1813 г., шесть месяцев спустя после события, участником которого был Пьер Безухов, ему представился случай еще раз рассказать о нем и вновь все пережить.

В качестве внимательного и умелого слушателя выступила Наташа Ростова. "Сначала он рассказывал с тем насмешливым, кротким взглядом, который имел теперь на людей и в особенности на самого себя; но потом, когда он дошел до рассказа о ужасах и страданиях, которые он видел, он, сам того не замечая, увлекся и стал говорить со сдержанным волнением человека, в воспоминании переживающего сильные впечатления." Голос Пьера дрожал беспрестанно. Он "рассказывал свои похождения так, как он никогда их еще не рассказывал никому, как он сам с собою никогда еще не вспоминал их. Он видел теперь как будто новое значение во всем том, что он пережил".

Свое выздоровление, перерождение личности под влиянием сильного стресса Пьер Безухов выразил так: "Да ежели бы сейчас, сию минуту мне сказали: хочешь оставаться, чем ты был до плена, или сначала пережить все это? Ради бога, еще раз плен и лошадиное мясо. Мы думаем, как нас выкинет из привычной дорожки, что все пропало; а тут только начинается новое, хорошее. Пока есть жизнь, есть и счастье. Впереди много, много..."

Нельзя не сказать о роли Наташи в окончательном перерождении Пьера Безухова. Она словно подхватила эстафету Платона Каратаева и выступила квалифицированным психотерапевтом.

Вот поведение Наташи. Выражение ее лица менялось вместе с рассказом, она переживала вместе с Пьером, и в случае необходимости задавала уточняющие вопросы. "...Она не упускала ни слова, ни колебания голоса, ни взгляда, ни вздрагивания мускула лица, ни жеста Пьера." Она словно знала, что в процессе взаимодействия людей от 60 до 80% коммуникации передается за счет невербальных средств выражения и только 20—40% информации передается с помощью вербальных [7]. Все ее поведение показывало Пьеру, "что она понимала не только то, что он рассказывал, но и то, что он хотел бы и не мог выразить словами". (Такое поведение психотерапевта квалифицируется как конгруэнтное.) Когда Пьер рассказывал про казнь, он хотел обойти страшные подробности, Наташа, словно опытный психотерапевт, требовала, чтобы он ничего не пропускал.

Вот впечатления Пьера от беседы с Наташей. Он испытывал то редкое наслаждение, которое дают "женщины, одаренные способностью выбора и вкалывания в себя всего лучшего, что только есть в проявлениях мужчины".

Итак, выздоровление Пьера Безухова последовательно прошло три этапа. **На первом этапе** оно коснулось прежде всего его ощущения: изменилось выражение взгляда, пришло успокоение и довольство собой.

На втором этапе, который сопровождался сильным переживанием (flashback), Пьер Безухов подошел к необходимости пересмотра цели жизни, у

него изменился характер взаимоотношений с людьми. Он научился слушать, ему доставляло удовольствие находить в людях лучшее, нравилось различать взгляды. Пьер обнаружил, что счастье в нем самом.

На третьем этапе выздоровление затронуло уже экзистенциальные проблемы личности, установки, ценностные ориентации. Началом пересмотра базовых установок личности стал сон, который Л.Н.Толстой датирует 27 октября, т.е. два месяца спустя после травмирующего события. Сущность сна можно выразить такими словами: "...Жизнь есть всё. Жизнь есть бог... И тогда есть жизнь, есть наслаждение самосознания божества. Любить же знь..." Шесть месяцев спустя Пьер Безухов произнес свой внутренний монолог, который явился продолжением мыслей, связанных со сном, и свидетельствовал об окончательной переработке психической травмы. Этот монолог заканчивался словами: "Пока есть жизнь, есть и счастье. Впереди много, много..."

Вместо заключения

Какие же уроки может извлечь профессиональный психолог-практик, читая только один эпизод одного романа одного русского писателя?

Можно, безусловно, согласиться с В.Н.Цапкиным, который утверждает, что "ни о какой психотерапевтической культуре ни может идти и речи, если психотерапия не будет представлена в сознании психотерапевта именно как культура" [10, 10]. Но он, как нам кажется, сузит поле этой культуры, утверждая, что войти в нее "означает попасть в то смысловое пространство, где диалогически сопрягаются "голоса" Фрейда, Юнга, Роджерса, Перлза и др.". Все это верно, но существуют культурные различия. Войти в ту культуру можно, если та культура соприкасается с этой. В XIX в. в России получила необычайно высокий взлет литература, анализирующая человеческую душу, личность, сознание, самосознание, особенности становления характера, установок и ценностных ориентаций различных возрастных и социальных групп. В конце XIX — начале XX в. к писателям присоединились русские философы: Федоров, Бердяев, Шестов, Соловьев, Ильин, Флоренский и др. Философские системы создавались не на пустом месте, они строились вместе с большой литературой Толстого, Достоевского, Тургенева, Чехова, Бунина и др.

Философская мысль создавала именно такое культурное поле, которое могло органично воспринимать не только свои достижения, но и достижения мировой культуры. Именно поэтому русская культурная и психологическая мысль восприняла психоанализ как должное. Были сделаны переводы З.Фрейда, создана психоаналитическая ассоциация во главе с А.Р.Лурия. Что было дальше, мы знаем — постановление 1936 г. Но что предшествовало? Предшествовали большая литература и большая философия, создавшие то культурное поле, на котором и могли развиваться своя психология и своя психотерапия, впитывая мировой опыт и "расплачиваясь" с ним собственными открытиями. Можно не сомневаться: Россия имела все основания быть родоначальницей крупной психотерапевтической теории.

Общественная мысль России XIX в. решала общие для мировой культуры проблемы личности. Может быть, именно в русской литературе началось ее обсуждение. М.М.Бахтин, читая старшеклассником средней школы г. Витебска свои лекции, утверждал, что основной темой трилогии Л.Н.Толстого (Детство. Отрочество. Юность) является противопоставление целостной природы и рефлексирующего духа. Сначала в Никольке воплощается рефлексия: голос "я" и все то, что противопоставляется этому "я" [4]. Прекрасный учебник по возрастной психологии.

И последнее замечание. Не знаю, заметил ли это уважаемый читатель, но история болезни (травмы), симптоматика и этапы выздоровления напоминают мне теорию посттравматического стрессового расстройства (см. АйВ, №2, 1993). Бытующее среди психологов отношение к западным теоретическим те-

ориям разное: одни принимают, другие отвергают, но нередко ни те, ни другие не знают основы данных теорий — нет источников. Так, не в Запале в течение последних двух десятилетий активно разрабатывается теория посттравматического стрессового расстройства. Мы о ней узнали с большим опозданием. Это теория (PTSD), которая обобщила наблюдения ученых последнего столетия на природу последствий психической травмы и на основании этого разработала диагностический инструментарий и методы психотерапии. Может быть, изменилось отношение к теории PTSD после того как мы узнаем, что и русский писатель внес свой вклад в развитие этой теории. Правда, у меня нет фактов, чтобы утверждать, что Горюхи, предложивший данный термин и одного сделавший для развития теории, прочитал "Войну и мир" Л.Н.Толстого: точки зрения теории посттравматического стрессового расстройства. Однако можно сказать со всей определенностью: Л.Н.Толстой — соавтор данной теории, даже если официальные авторы этого еще не знают.

Литература

1. Бунин И.А. Собр. соч.: В 9 т. — Т. 9: Освобождение Толстого. — М., 1967. С. 7—165.
2. Грэхэм Дж. Как стать родителем самому себе. Счастливый невротик. — М., 1993.
3. Колодзин Б. Как жить после психической травмы. — М., 1992.
4. Конспект лекций М.М.Бахтина //Прометей: историко-биографический альманах серии "Жизнь замечательных людей". — Т. 12. — М., 1980.
5. Лакшин В.Я. Толстой и Чехов. — 2-е изд., испр. — М., 1975.
6. Пашакин Н. Торговец и попугай. Восточные истории и психотерапия //Пер. с нем. — М., 1992.
7. Пиз Аллан. Язык телодвижений "Ай Кью" — М., 1992.
8. Толстой Л.Н. Война и мир. — М., 1983.
9. Франкл В. Человек в поисках смысла //Пер. с англ. и нем. — М., 1990.
10. Цапкин В.Н. Единство и многообразие психотерапевтического опыта //Моск. психотерапевтический журнал. — 1992. — №2. — С. 5—40.
11. Шерток Л. Непознанное в психике человека. — М., 1982.
12. Эткин Д. Психология практическая и академическая: расхождение когнитивных структур в теории профессионального сознания //Вопросы психологии. — 1987. — №6. — С. 20—30.
13. Юркевич А.В. "Онтологический круг" и структура психологического знания //Психол. журн. — 1992. — Т. 13. — №1. — С. 6—14.
14. Levi-Strauss Claud. Anthropologie structurale. Paris, 1958, Plon.

■ Using as an example the incident with P.Besuchov from the novel "War and Peace" the author of the article L. Pergamenschchik analyses consistently character of psychic trauma, its symptomatology, peculiarities of psychologic assistance. P.Karataev's psychotherapy methods and P.Besuchov's recovery stages are considered. By means of this literary example the questions of psychologic assistance effectiveness, practical psychologists' vocational training, comparative study of classical literature for overcoming crosscultural differences in the problem of psychologic assistance are discussed.

■ Im Artikel von L. Pergamenschtschik werden Schritt fuer am Beispiel des mit Pjer Besuchow im Roman "Krieg und Frieden" durchgefuehrten Ereignisses: der Charakter des psychischen Traumas, seine Symptomologie, die Eigenheiten der psychologischen Hilfe studiert. Hier werden die Methoden der Psychotherapie von Platon Karatajew und die Etappen der Gesundung von P. Besuchow betrachtet. An gegebenem literarischem Beispiel werden die Fragen der Effektivitaet der psychologischen Hilfe, der Berufsausbildung der praktischen Psychologen, des vergleichenden Erlernens der klassischen Literatur.